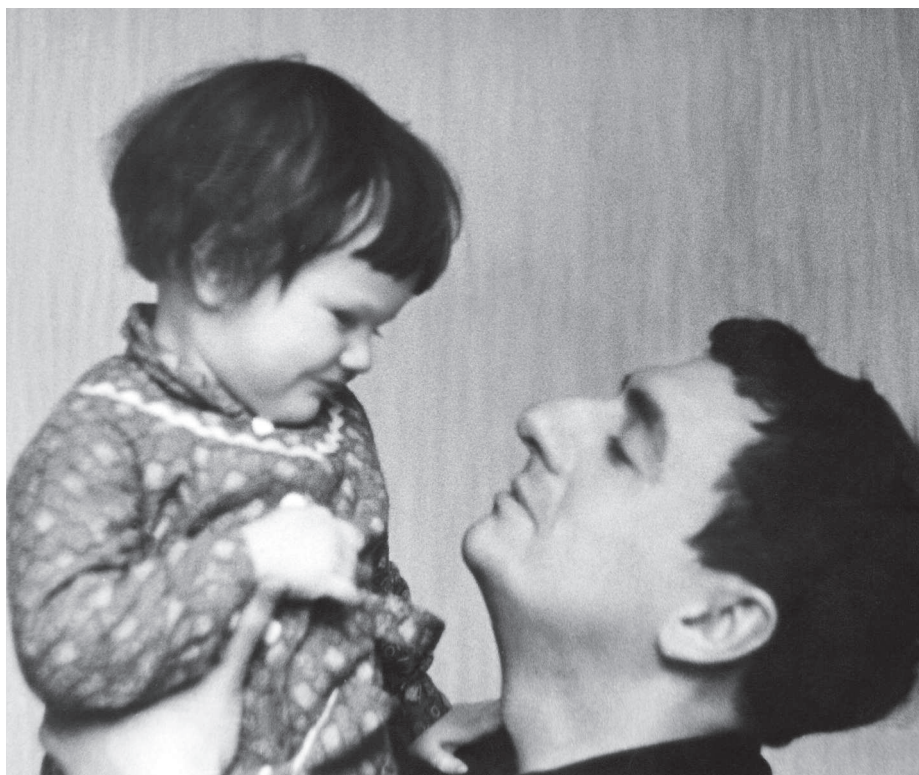

Зеркало
полюсичи

Посвящается моей дочери
Алекса́ндре

Марк Захаров

МАРК ЗАХАРОВ

Театральная
фантазия
на тему...
Мысли благие и зловердые

Издательство АСТ
Москва

УДК 792.071.2:929(470)

ББК 85.3343(2)6-8

3-38

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Фотография на обложке *Александра Стернина*

Издательство выражает благодарность
Александре Захаровой
за фото предоставленные из личного архива,
а также фотографам
Валерию Плотникову и Михаилу Гутерману

Захаров, Марк Анатольевич.

3-38 Театральная фантазия на тему... Мысли благие и зловердные /
М. Захаров — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 464 с. (Зеркало
памяти).

ISBN 978-5-17-179844-4

Марк Захаров еще при жизни стал человеком-легендой. Он был бесконечно одарен, обладал неиссякаемой творческой энергией, по праву заняв свое особое место в истории отечественного театра и кинематографа. На его фильмах и спектаклях, которые уже стали классикой, выросло несколько поколений зрителей.

Создатель, руководитель и идейный вдохновитель легендарного театра «Ленком», Захаров обладал даром находить и возвращать таланты, зажигать на театральном и кино небосклоне новые звезды. Учениками мастера в разные годы были Инна Чурикова, Олег Янковский, Александр Абдулов, Николай Караченцов, Дмитрий Певцов, Антон Шагин и многие другие артисты.

Книга «Театральные фантазии на тему... Мысли благие и зловердные» — последние воспоминания великого мастера.

УДК 792.071.2:929(470)

ББК 85.3343(2)6-8

© Захаров М.А., наследник, текст, 2023

© Захарова А.М., предисловие, 2023

© Стернин А.И., наследник, фото, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ISBN 978-5-17-179844-4

Предисловие

Россия, несмотря на все невзгоды, умеет жить в надежде и ожидании. Я русский человек, и я верую, потому что уныние – тяжкий грех. Я верую».

Это слова из последней рукописи моего отца, Марка Захарова, они вошли в финальный монолог спектакля «Капкан», который я завершала осенью 2019 года после его ухода. Самой трагической для меня осенью.

Я все время перечитываю эту рукопись. Беру ее в руки – и чувствую, что отец рядом. Я горжусь своим отцом, как гордится Марком Захаровым и театр, который он создал, как гордится кинематограф, для которого он снимал свои великолепные фильмы, как гордятся русские люди, многие годы приводя цитаты из его фильмов, не похожих ни на какие другие. Он самый главный человек в моей жизни. Самый любимый, самый дорогой.

Первое мое воспоминание об отце – то, как он сидит за письменным столом. Я, совсем маленькая, лежу в детской кровати и смотрю сквозь деревянные рейки на него. Даже ночью я, открывая глаза, видела, что он сидит и пишет. Отец все время работал. Все время писал. А когда слишком увлекался, то начинал говорить реплики из своих текстов вслух. Потом этот стол перешел ко мне. Я занималась за ним, когда училась в школе.

Мне родители рассказывали, как я первый раз подошла к отцу и сказала «папа». И они вдвоем так уверенно об этом рассказывали, что у меня есть ощущение, что я сама это помню, хотя, конечно, была слишком мала, чтобы сохранить это в памяти. Зато я хорошо помню, как отец привез на подмосковную дачу, где мы с мамой жили круглое лето, сразу штук пять или шесть арбузов – как он их дотащил, понять совершенно невозможно, но он был ими увешан со всех сторон. А потом родители, чтобы меня развлечь, читали мне в лесу «Муху-Цокотуху» по ролям. Я слушала эту историю с некоторым ужасом, а потом сказала им: «Спасибо вам, друзья», – и мама после этого до слез переживала, что я «как брошенный ребенок в этой деревне».

Я помню чудесное время, когда мы жили в Замоскворечье, волшебном месте, которое и сегодня олицетворяет старую Москву и которое обязательно должно сохраниться. Отец тогда был режиссером в Театре сатиры, и когда он уходил на репетицию, из окон фабрики «Рот Фронт», что находилась с нами по соседству, выглядывали колоритные тетечки в халатах и колпаках и давали ему вдогонку массу советов, как ему следует ставить спектакли и как жить на свете. Я не очень понимала смысл их слов, но судя по лицу папы, советы были весьма решительны и радикальны.

Поскольку отец все время отдавал творчеству, он не очень разбирался в обычных девчачьих развлечениях, и вот как-то, выкроив пару часов, повел меня, пятилетнюю девочку, в Центральный парк культуры на «гонки по вертикали». Мы сели, счастливые, на лавку, а когда мотоциклы, набрав скорость, начали с диким ревом гонять по отвесным стенкам павильона, я душераздирающе начала рыдать. Тогда зрители в павильоне повернулись к отцу и стали его укорять: негоже водить маленькую девочку на такое рискованное шоу. В общем, папа меня тут же увел, но сам долго не мог успокоиться.

Если в детстве отец не очень налегал на мое воспитание, то когда я оканчивала школу и поступала в институт, он писал мне великолепные шпаргалки. Это были супершпаргалки, потому что написаны были красивым каллиграфическим почерком. Отец вообще хорошо рисовал. Он рисовал не только все мизансцены, у него были прекрасные картины и потрясающие карикатуры. Особенно на меня и на маму – смешные и очень добрые.

Марк Захаров, как всякий крупный художник, все делал легко, привнося в творчество очень много юмора и веселой иронии, без которых, наверное, невозможно ни самопознание, ни жизнь, ни взгляд в будущее.

Вся жизнь отца – это история о времени. Не только об эпохе, но и о времени в самом буквальном смысле. У Евгения Шварца есть

«Сказка о потерянном времени», а жизнь Марка Захарова — это, наоборот, история о том, как заполнить до краев каждую минуту. В сутках всего 24 часа, но как он умудрился столько сделать? Создать театр, вырастить несколько поколений актеров, для каждого из которых он вычерчивал, выкристаллизовывал не только роли — отец выстраивал артистические судьбы — красивые, яркие, звездные. Саша Абдулов, Леонид Броневой, Татьяна Пельтцер, которая пришла на порог «Ленкома» и сказала: «Марк, я пришла к тебе. Хочешь не хочешь, а бери в театр!» Марк Захаров вписал в историю русского театра непревзойденную плеяду ленкомовцев.

Отец был очень внимателен и к моим работам. Однажды, на актерских посиделках под старый Новый год сразу после выхода фильма «Формула любви», Борис Сергеевич Брунов, руководитель Театра эстрады того времени, спросил отца обо мне: «Сеновал сеновалом, но где ж ты взял такую девчонку-то?» — «Я ее родил», — ответил отец. Я помню, как я сидела около немецкой клиники, когда моего отца выписывали после очередного кардиологического обследования. Сидела и смотрела на стоящую неподалеку церковь с чистыми голубыми витражами. Из клиники вышли мои родители — и у них обоих такие же небесно-голубые глаза. Они оба уникальные, разные, и при этом абсолютно одинаковые, прожили вместе более 60 лет. Они очень любили друг друга и разговаривали на одном языке.

Когда-нибудь я напишу свою книгу об отце и о том, как много он успел сделать. Наверное, так много не удавалось ни одному режиссеру. Марк Захаров вырастил несколько поколений актеров, он духовно и физически изменил пространство внутри и вокруг своего театра, он восстановил Храм Рождества Богородицы в Путинках, и почти полвека он отдал созданию своего авторского театра «Ленком», продолжая работать до последней минуты своей трудной и прекрасной жизни. Я думаю, следующие поколения будут говорить о Марке Захарове и как о выдающемся режиссере, и как о философе.

Монолог, словами из которого я позволила себе начать это предисловие к книге отца, произносит в финале его спектакля «Капкан» один из героев. Этот монолог — последнее, что написал мой отец...

К 39-му году все враги Сталина будут полностью уничтожены. А для остальных граждан России будут продолжаться страшные годы репрессий, лагерей и массовых расстрелов. Погибнут лучшие люди страны. Самые сильные и незаурядные. Исчезнут миллионы российских граждан. Начнется чудовищный геноцид. Люди будут в основном покорно уходить из жизни. Покорно, потому что в эти годы

сопротивление в нашей стране было невозможно... А весной 53-го года Сталин покинет землю. Похоже, его убьют ближайшие соратники. Берия воспротивится оказанию медицинской помощи и объявит, что Сталин просто заснул. Сталина поднимут с пола и положат на диван. После этого Берия сменил врачей. И будет обычная борьба за власть, в конце концов через несколько долгих лет наступит новое время... Я не хочу говорить о том, что люди очень скоро приблизятся к угрозе уничтожения своей планеты. Этой темы касаться сейчас не будем... Людям, оставшимся в живых, придется набраться терпения. Россия, несмотря на все невзгоды, умеет жить в надежде и ожидании. Я русский человек и живу надеждой. Надежда у меня светлая, потому что уныние — тяжкий грех. Я верую.

И еще... В России были люди, которых Сталин боялся и уничтожил. Погибли выдающиеся строители нашего государства. Некоторых из этих людей нам сегодня особенно хочется вспомнить. Тех, которые нам ближе других. Они отдали себя строительству русской культуры и были убиты не обязательно выстрелами, для этих людей была придумана более изощренная, иезуитская смерть. Этими людьми мы будем гордиться до скончания дней. Это Соломон Михоэлс, Александр Тауров, Михаил Булгаков, Всеволод Мейерхольд, Зинаида Райх, Серго Орджоникидзе, Владимир Бехтерев и многие другие...

С этими словами можно закончить наш земной путь. Мы верим в будущее великой России.

Нет. Мы веруем!

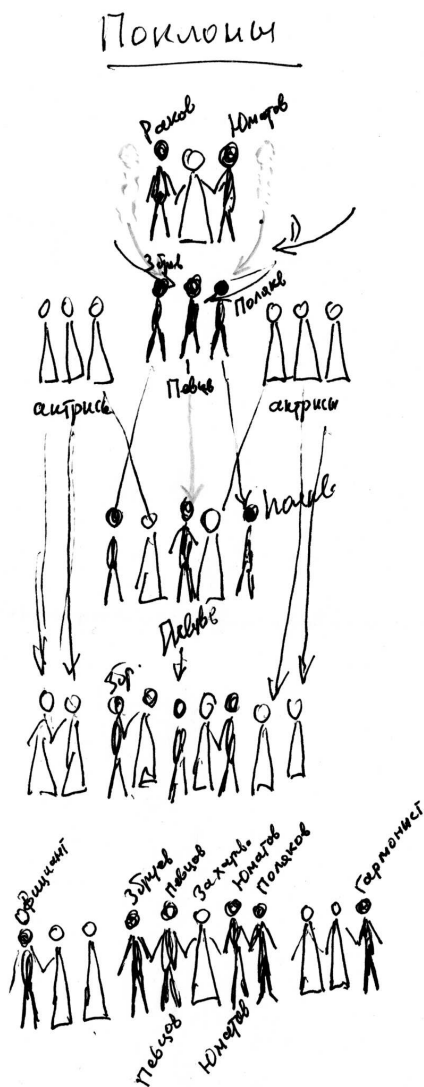

Рисунок Марка Захарова

От автора

О чем я думал в 1986 году

О

брести контакт с современным зрителем трудно. Еще труднее обрести контакт с современным читателем. Зритель, он хоть уселся перед сценой и сделал минут на пять внимательное лицо. С каким лицом взглянет читатель на мои сочинения, предугадать трудно. В момент выхода этой книги ситуация в подлунном мире, мне думается, не упростится, скорее усугубится, и мои нехитрые мысли могут наверняка затеряться в гигантском потоке информации, что угрожающе насыщает ныне околоземное пространство. Единственный способ быть услышанным – подать во Вселенной свой собственный голос. Не подражать чужому. Сделать это трудно по многим причинам, и прежде всего потому, что надо хорошо знать, какой он, твой голос. И вообще, кто ты и что ты?

Очень непростой вопрос. Чем проще вопрос, тем сложнее на него ответить. Режиссеру надо отвечать по делу. И начинать надо со спектаклей, которые он ставит. Режиссер – профессия амбициозная. Режиссеру мерещится порой, что он знает о жизни что-то такое, чего не знают другие. Разумеется, режиссерское самомнение может помочь в обретении профессии, но оно должно непременно смениться периодом вдумчивого и неторопливого анализа – кто ты и что ты? Чего ты добился сам, а что с тобою просто случилось.

Мне кажется, что я готов к такому трезвому самоанализу. Очень надеюсь, что некоторые аспекты моих сценических и кинематографических сочинений будут небесполезны для тех, кто интересуется театром. Путь в режиссерскую профессию неотделим от жизненного пути человека, посвятившего свою жизнь сочинительству. Рассуждая о театре, я не могу уклониться от некоторых событий автобиографического характера. Впрочем, мои режиссерские заметки хороши тем, что их можно читать с середины, можно с конца, а еще лучше — вообще отложить до лучших времен. «Лучшие времена» у нас почему-то всегда в прошлом или далеком будущем. Пытаюсь шутить, но на самом деле серьезен как никогда.

«...Когда душили его жену, он стоял рядом и все время повторял: “Потерпи. Может быть, обойдется”» (Е. Шварц. «Обыкновенное чудо»).

Это запоздалый эпиграф вместо предисловия. Обидные для меня слова. Нечто похожее я говорил себе и другим. Слишком часто жил со всепоглощающим девизом «Авось». Похоже, не я один. Вместе со страной. Теперь мы вместе с ней жаждем объективного исторического самопознания. Чем и пытаюсь заниматься вместе с доверчивым и мудрым читателем.

Какие спектакли я ставлю?

«Учебник по режиссуре»

0

чень хорошие, по-моему. Иногда не очень хорошие, иногда просто хорошие. Иногда средние, посредственные и даже удовлетворительные. Иногда я даже ставлю спектакли, о которых можно сказать: «Так себе». Ниже этого определения, мне думается, я все-таки не опускаюсь...

«Мне думается» – мое любимое словосочетание. Оно кажется мне забавным. Человек, который всерьез и многозначительно говорит о себе «мне думается», по-моему, вызывает у окружающих ироническое к себе отношение. Отчасти это входит в мои намерения. Мне нравится выглядеть несерьезным человеком, хотя на вид я достаточно угрюмая личность. Каким бы делом я ни занимался, мне хочется усилить некоторую комедийность, свойственную нашей действительности. (Фраза чудом уцелела в 1986 году.)

Мое первое серьезное признание: любой ценой мне хочется вызвать у людей иронию по отношению к себе и предмету нашего разговора. Так легче и веселее жить. Так удобнее рассуждать о высоких материях и низменных проблемах.

Возможно, здесь сказывается моя природная склонность к лицедейству (я начинал свой путь как актер) и еще влияние очень веселого русского писателя Аркадия Аверченко. Благодаря ему где-то в самом начале 60-х годов

я взялся за перо и стал от отчаяния — в связи с низкой заработной платой и отсутствием каких-либо приятных перспектив — писать юмористические рассказы. Некоторые из рассказов я публиковал в периодической печати, другие вещал дурным голосом в радиопередачах «С добрым утром», о чем теперь в значительной степени сожалею. Но это не вся правда. Кроме написания посредственных полуэстрадных опусов с сомнительными шутками и пошловатыми предложениями я выработал полезную для своей профессии неприязнь к низкопробной эстраде, которая меня и сегодня частенько подкарауливает, но запах которой ощущаю кожей. Речь сейчас не о моей эстрадной неуравновешенности, от которой потом терзаюсь, речь об известном умении составлять на бумаге забавные словосочетания.

Несмотря на наличие некоторого числа поклонников моего писательского таланта, талант как таковой я с негодованием отрицаю, но на литературном навыке настаиваю.

Склонность к литературным занятиям очень пригодилась мне позднее, когда, обретя свою основную жизненную профессию режиссера, я сумел выстроить на бумаге сценарную основу своих будущих театральных и кинематографических работ. Так появились пьесы, а потом спектакли, сыгравшие в моей жизни весьма важную роль: «Разгром» по роману Александра Фадеева, «Темп-1929» по ранним произведениям Николая Погодина, «Проснись и пой!» по мотивам Миклоша Дьярфаша, «Автоград-XXI», «В списках не значился» по роману Бориса Васильева и др. Умение конструировать литературную первооснову режиссерского сочинения сослужило мне добрую службу и при работе над телевизионными фильмами вроде «Обыкновенного чуда», и при сочинении современных музыкальных спектаклей вроде «Юноны и Авось».

Впрочем, литературный навык — это в моем представлении не только одна сюжетная конструкция, это еще и обостренный слух, столь необходимый режиссеру, это знание лексических ответвлений от дежурного хрестоматийного слога, это острое чувство стиля и особое вдохновение, когда перо, ведомое подсознательным импульсом, само по себе выделяет на бумаге совершенно непредвиденные экзерсисы, а ведомый тобою актерский организм вдруг подсказывает тебе неожиданно ловкое комедийное слово, фразу и даже целый диалог, чаще всего с отсутствием привычной логики, но веселыми признаками сумасшедшей жизни, которая нас повергает из ужаса в хохот и обратно.

Разумеется, эта фраза в издании 1988 года отсутствовала. Вместо нее я амбициозно заявлял: «Режиссеру необходимы дерзкие выходы

за рамки известной ему технологии. Режиссура сегодня есть синтез человеческих, нормальных, узнаваемых и аномальных проявлений. Мизансценические навыки сами по себе мало что стоят».

Сегодня я бы высказался решительнее.

Современная режиссура, впрочем, как и все остальные виды искусства, делится на режиссуру дотелевизионную и последующую, рожденную в период новой информационной цивилизации.

Авторский театр – вот, пожалуй, то, чем я сегодня занимаюсь.

Характерная особенность эпохи информационного взрыва – необычайная сложность в удержании зрительского внимания. Мы оказались среди таких плотных информационных потоков, что многие из нас стали ощущать их материальную тяжесть, разрушительную атаку на человеческую психику и вообще экологическую небезопасность. Последнее обстоятельство зримо подтверждается не только детскими припадками эпилепсии, зафиксированными в Японии, но и резким ростом немотивированной преступности.

Всемирная телевизионная индустрия насытила нас таким количеством художественной и псевдохудожественной информации, что в сочетании с остальными СМИ мы превратились в людей, которых удивить чем-либо вообще крайне затруднительно.

Эти и некоторые другие особенности нового бытия сильно ударили по театру. В особенности когда он начинал подражать кинематографу. Изменилось отношение ко времени. Оно стало дороже. Мы перестали смеяться над формулой «время – деньги». Всерьез и надолго подключить зрительское внимание к происходящему на сцене, более того, добиться самого главного в театре – сопереживания – оказалось теперь делом чрезвычайной сложности. Сегодняшний зритель, изнуренный неконтролируемой плотностью информационных потоков, зачастую просто не хочет подключаться к спектаклю, срабатывает элементарная биологическая защита. В лучшем случае зритель готов некоторое время вежливо созерцать театральное действие и горячо поаплодировать в финале, особенно если дорого заплатил за билеты. Кстати, зритель, оплативший дорогие билеты, подсознательно не хочет чувствовать себя одураченным и подчас упорно уходит от дискомфорта в непроизвольную имитацию якобы полученного удовольствия. Вообще, психология зрительского поведения – вещь увлекательная и малоизученная.

Американские исследования кинозрителя установили, например, критическую седьмую минуту. Как фильм ни монтируй, но в районе седьмой минуты наступает спад зрительского энтузиазма и наползают сами собой разного рода сомнения вплоть до «уж не зря ли теряю